

Людмила Саракина

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ДОСТОЕВСКОГО

Ангелина Суслова:

биография в документах, письмах, материалах

МОСКВА "СОГЛАСИЕ" 1994

участие во всех политических манифестациях, шагала во главе студентов, неся красное знамя, пела Марсельезу, ругала казаков и вела себя вызывающе, била лошадей полицейских, полицейские, в свою очередь, избивали ее, проводила ночь в арестантской, а когда возвращалась в университет, студенты с триумфом несли ее на руках как жертву "ненавистного царизма". Полина присутствовала на всех балах, всех литературных вечерах студенчества, танцевала с ними, аплодировала, разделяла все новые идеи, волновавшие молодежь. Тогда в моду вошла свободная любовь. Молодая и красивая Полина усердно следовала веянию времени, служа Венере, переходила от одного студента к другому и полагала, что служит европейской цивилизации. Услышав об успехе Достоевского, она поспешила разделить новую страсть студентов. Она вертелась вокруг Достоевского и всячески угождала ему. Достоевский не замечал этого. Тогда она написала ему письмо с объяснением в любви. Это письмо было найдено в бумагах отца, оно было простым, наивным и поэтичным. Можно было предположить, что писала его робкая молодая девушка, ослепленная гением великого писателя. Достоевский, расстроганный, читал письмо Полины. Это объяснение в любви он получил именно в тот момент, когда он больше всего в нем нуждался. Сердце его было разбито предательством жены; он презирал себя, как обманутого и

осмеянного мужа. И вдруг свежая и красивая молодая девушка предлагает ему свою любовь! Итак, его жена все же заблуждалась! Его можно было полюбить, его, побывавшего на каторге в обществе воров и убийц. Достоевский с жадностью ухватился за то утешение, которое ему было послано судьбой. О легких нравах Полины он не имел ни малейшего представления. Отец наблюдал жизнь студентов только с кафедры, на которой выступал с чтением своих произведений. Студенты, окружавшие его, представляли собой полную почтения толпу, которой он говорил о Боге, отечестве и цивилизации. Мысль о том, чтобы знаменитого писателя, почитаемого всем миром, посвятить в проблемы аморального поведения молодых людей, не могла прийти им в голову. Когда позднее они заметили любовь Достоевского к Полине Н., естественно, они не решились разъяснить ему, что она из себя представляет. Отец считал Полину юной провинциалкой, одурманенной утрированными идеями эмансипации, каких много было тогда в России. Он знал, что врачи отказались от Марии Дмитриевны и что через несколько месяцев он сможет жениться на Полине. У него не было сил ждать и отказываться от этой молодой любви, отдававшей ему себя свободно и без оглядки на общество и условности. Достоевскому было сорок лет, и его еще никогда не любили...

Л.Ф. Достоевская. Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992.
С. 85-87.

Из книги Л.Ф. Достоевской можно удержать лишь несколько сведений о "Полине". Она приехала в Петербург учиться из провинции и поступила в университет. Хотя в начале 60-х годов Достоевский мало выступал на студенческих литературных вечерах и далеко не пользовался таким успехом, как в конце 70-х го-

дов, вполне допустимо, что Сусанна познакомилась с ним на одном из таких вечеров. Хотя в существующих архивах Достоевского и не имеется любовного письма к нему Аполлинарии, можно поверить дочери писателя, что такое письмо было действительно получено Достоевским и глубоко тронуло его своей искренностью и поэти-

Меньше всего она могла предположить, что ее скромный дешевый блокнот с записями исключительно для себя составит эпоху в изучении биографии Достоевского.

Знал ли Достоевский, что она ведет дневник? Вряд ли. Трудно предположить (хотя они вместе пропутешествовали сорок два дня), что он видел и смог прочитать ее записи. Этую, например: "Вчера Ф.М. опять ко мне приставал". Или эту: "Проснувшись, он сделался необыкновенно развязен, весел и навязчив. Точно он хотел этим победить внутреннюю обидную грусть и насолить мне".

Наверняка не знала и она (и, видимо, вряд ли об этом думала), что ее запись, сделанная в Турине 17 сентября, в тот самый день, когда на ее вновь вспыхнувшую нежность "Ф.М." откликнулся с горячей радостью, будет комментироваться учеными как первый след замысла "Преступления и наказания". Они тогда обедали, и, глядя на девочку, которая брала уроки, Достоевский сказал: "Ну вот, представь себе, такая девочка с стариком, и вдруг какой-нибудь Наполеон говорит: "Истребить весь город". Всегда так бывает на свете".

Они путешествовали вместе, но чувствовали врозь. Она постепенно входила во вкус испытывать его якобы братские к ней чувства и с тайным наслаждением описывала в "Дневнике", как дразнит и мучает его, а он играл на рулетке, проигрывался в пух и прах и посыпал свояченице, Варваре Дмитриевне Констант, обстоятельные письма с просьбами о деньгах на путешествие и спрашивалася о здоровье своей жены Марии Дмитриевны. У каждого было свое собственное затаенное существование, своя отдельная территория любви и ненависти, разные печали и заботы, разные причины грусти.

Документальные свидетельства их любовного поединка, пропутешествовав во времени и в пространстве выше ста тридцати лет, здесь сопоставлены и синхронизированы; нарушая, быть может, целостность единого текста "Дневника", они восстанавливают целостность и объемность жизни.

Если принять, что знакомство Достоевского с Сусловой произошло в 1861 году, а самая ранняя дата их переписки (письмо Сусловой к Достоевскому) может быть прикреплена лишь к 1863 году, то, в самом деле, надо признать, что мы никогда не сумеем воспроизвести всю конкретную волнующую правду этого периода, т.е. двух начальных лет этой любви, перешедшей, по-видимому, очень быстро в близкую связь... Отъезд Сусловой за границу произошел, по-видимому, поздней весной 1863 года. Отношения с Достоевским были настолько еще не

закончены и не выяснены, что первоначально они хотели ехать вместе, но потом Суслова выехала одна, а Достоевский последовал за ней лишь месяца через три, в июле-августе. Трудно сказать, в какой степени тут играли роль внешние житейские обстоятельства Достоевского (закрытие журнала "Время" и разного рода затруднения, за ним последовавшие) или полурешимость Сусловой быстро расстаться с Достоевским, почти "бегство" от него и от создавшихся весьма сложных и спутанных их взаимных отношений.

действительного впечатления. Кстати, попрошу тебя об одном деле, друг Коля: спрятся, где теперь Мерц? Не в Париже ли? Я и забыл спросить, отъезжая. А я бы очень хотел его встретить.

Как-то мне грустно теперь и тоска. Голова болит притом. Думаю о всех вас; думаю часто и о Марье Дмитриевне. Как бы, как бы хотелось получить об ней добрые известия! Что-то ее здоровье? Был ли у тебя Паша и не слыхали ты об нем чего, Коля, то есть о том, как он себя держит без меня и чем занимается? Что услышишь, напиши мне откровенно. Боюсь я, что он избалуется без меня. Не была ли у тебя Варвара Дмитриевна? Я ее очень люблю; милое, благородное существо. Она что-то говорила, провожая меня, что ей хотелось бы тебя навестить.

Край, который я проезжал до нашей границы, спокоен, хотя солдаты дежурят на каждой станции, но, однако ж, веселы и довольны, как я заметил. Осмотрюсь здесь и стану посещать одну известную мне кофейную, где есть русские газеты. Напиши мне, Коля, все, что услышишь особенного о чем бы то ни было. Кланяйся Саше и Николаю Ивановичу, равно как и всем, кто хороший человек. Детей перецелуй. Пишу тебе кратко и насконо. Не в расположении я духа и нездоров немного, но люблю тебя больше прежнего. Дорог ты мне теперь, больной и несчастный. Как бы я желал, воротясь, застать тебя уже здоровым. Друг Коля, вспомни просьбы наши и пощади сам себя — ложись в больницу.

Обнимаю тебя и целую крепко, голубчик ты мой.

Твой Федор Достоевский.

Извести меня тоже, поехал ли Шелеховский через Владимир или нет.

На конверте:

Russie St. Petersbourg

Его высокоблагородию

Мария Дмитриевна Достоевская (Исаева)

Николаю Михайловичу Достоевскому
В Петербург.

На Петербургской стороне, по Большому проспекту,
дом г-жи Голеновской №69.

Ф.М. Достоевский — Н.М. Достоевскому // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т.28. Кн.2. С. 37-38.

Париж 28 августа (здешнего стиля) 1863 г.

Милый Паша, спешу тебя, голубчик, уведомить, что я наконец-то кое-как добрался до Парижа и хоть устал и немного болен, но все-таки дорога обошлась гораздо легче, чем я думал. Был, впрочем, маленький припадок. Из Берлина я написал брату, Коле и мамаше. Слышал ли ты об этих письмах? Если навещал Колю, как я просил тебя, то он, верно, тебе сказал, что получил от меня письмо. Думаю я об тебе много, Паша. Держал ли ты экзамен и что вы-

держал? Со страхом буду ждать от тебя известия. Когда это письмо придет к тебе, наверно уже будет все решено, и ты можешь меня тотчас уведомить. Пиши ко мне обо всем откровенно и по-дружески — как ты живешь, что делаешь? Советую не откладывать письма, как ты откладываешь к мамаше, потому что я совершенно не знаю, останусь ли долго в Париже и сколько именно, след[овательно], стараясь, чтоб письмо твое успело застать меня. Ворочусь я в свое время и, надеюсь, не запоздаю. Буду писать тебе еще. Не знаю, может быть, поеду в Италию, хотя долго там жить не буду. Стараясь, Паша, избегать глупых знакомств и Юсуповых садов. Глупо ведь это все ужасно, особенно в твой возраст, когда надообно о себе подумать. Пожалуйста, пиши мне о

себе подробнее. Вместе с этим письмом пишу и Михаилу Васильевичу. Он мне напишет, надеюсь, откровенно о тебе, то есть доволен ли он тобой? Недоданные за тебя Михаилу Васильевичу деньги я пошлю Варваре Дмитриевне. От нее

Павел Александрович Исаев

времени. Это будет для Родевича, на Пашины нужды (то есть не Паше в руки), на случай, если я запоздаю. А остальные 25 дублонов разменяете у менялы на кредитки. Я уверен, что менялы не очень обманут. Сделайте одолжение, не заботьтесь много: сколько дадут, тем и будем довольны. Даже, если хотите только, поручите просто разменять брату Михайле Михайловичу, чтоб он разменял и возвратил в Ваши руки разменянное. Разменяв же, уведомьте Марью Дмитриевну, что эти 25 дублонов я посыпаю ей, что по размене их вышло вот столько-то, и при этом спросите ее: как ей переслать? То есть по почте или другим каким образом? По-моему, по почте всего лучше, тем более что другого никакого образа и нет. Но, может быть, Марья Дмитриевна захочет, чтоб эти деньги лежали у Вас до времени, то есть хоть до моего приезда. Ну это дело другое; тогда прошу Вас очень исполнить это ее желание, если б оно было. Вообще как она захочет, так пусть и будет. Очень, очень меня, голубчик мой, обяжете, если все это возьметесь исполнить. Ради Бога, не откажите. Я Марью Дмитриевну уж уведомил и сказал, что Вы ей напишите, то есть уведомите ее, когда деньги будут Вами получены, и спросите ее, как ей переслать.

Тогда я писал к ней, чтоб она Вас тотчас же и уведомила. Может быть, она Вам и раньше напишет. Сегодня только посыпаю я деньги. Все бился и узнавал здесь, каким способом лучше выслать. На почте положительно не берут, потому что здесь принят один только способ высылки через банкиров. Мне же не хотелось высыпал через банкира, потому что банкир взял бы дороже за пересылку и, кроме того, наверно обчел бы меня на промене, так как золото здесь дешевле нашего. Вот почему и нашел здесь какую-то частную, но верную контору транспортов. Через нее и посыпаю. Каким способом она Вам доставит посылку — не знаю. Знаю только, что она доставит медленно, дней в 8, так что письмо это Вы получите гораздо раньше денег. Но, по крайней мере, Вы будете уведомлены. Если б на случай вышло какое-нибудь затруднение, обратитесь к брату Михайле Михайловичу. То есть напишите ему два слова, чтоб приехал к Вам по моему делу, и кончено. Но это я пишу на всякий случай. Я уверен, что не будет никаких затруднений. Во всяком случае, простите, добрый и многоуважаемый друг мой, что Вами так располагаю. Но я ведь на доброту Вашу надеюсь.

Здоровье мое так себе. В Париже останусь, я думаю, недолго. Может быть, поеду в Италию. Все зависит от обстоятельств. Напишите мне, голубчик, о всем, что знаете о Паше и что услышите (на случай, если услышите) о Марье Дмитриевне. Беспокоюсь я ужасно и сердечно о ее здоровье. Да ей Бог лучше! Да напишите все, что слышали (если только слышали) о брате Коле, как его здоровье. Да наставляйте, голубчик, Пашу. Напишите, что говорит о нем Родевич, если что услышите. Беспокоит меня Паша ужасно.

Наконец, напишите мне хоть два словечка собственно и о себе. То есть что и как, как Ваше расположение духа, здоровье и проч. Голубчик мой, я Вас крепко люблю и уважаю, и не считайте, стало быть, моей просьбы простым любопытством. Да пишите скорее, потому что я, может быть, в Париже долго не останусь, так чтоб письмечко Ваше здесь застало меня. Да не ждите, когда деньги получите. Пишите и до получения. Дойдут наверное, нечего беспокоиться.

Прощайте. Крепко жму Вам руку
Ваш Ф. Достоевский.

Ф.М. Достоевский — В.Д. Констант // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т.28. Кн.2. С. 39-42.

2 сентября

Федор Михайлович действительно сказал, что деньги посыпать лишнее, что это пустяки. Он думал, что этим я бессознательно ищу предлога сблизиться с Сальвардом. Федор Михайлович сказал, что это поведет к тому, что тот оправдается и обманет меня. — Так неужели же бояться этого, не верить себе, — сказала я, — бояться, что обманут, тогда не нужно уважать себя.

Федор Михайлович решительно не понял меня и не знал, что это за письмо, вот оно:

“Милостивый государь, однажды я позволила себе получить от вас услугу, за которую обычно платят деньгами. Я думаю, что можно получать услуги только от людей, которых считаем за друзей и которых уважаем. Я посыпаю Вам эти деньги, чтобы исправить свою ошибку по отношению к вам. Вы не имеете права мне помешать в этом намерении.

P.S. Я хочу еще добавить, что вам незачем от меня прятаться и меня бояться: я не имею желания вас преследовать. Вы можете меня встретить (может быть, это случит-

тот теперь я спокойна. Я замечаю, что в мыслях у меня совершается переворот.

Федор Михайлович проигрался и несколько озабочен, что мало денег на нашу поездку. Мне его жаль, жаль отчасти, что я ничем не могу заплатить за эти заботы, но что же делать — не могу. Неужели ж на мне есть обязанность — нет, это вздор.

А.П. Суслова. Годы близости с Достоевским. С. 56-60.

Баден-Баден, 8 сентября/63

Милый друг и сестра, Варвара Дмитриевна, пишу Вам только несколько строк, чтобы уведомить и попросить. Сегодня же еду, через час или даже скорее, и потому нет времени ни минуты. Все дело в том, что здесь, в Бадене, я проигрался на рулетке весь, совершенно, дотла. Я проиграл до 3-х тысяч с лишком франков. У меня в кармане теперь только 250 франков. Я выехал из Парижа, чтобы ехать в Рим. На эти деньги нельзя ехать в Рим и потому остановлюсь на перепутье в Турине ждать из Петербурга денег. Пишу к брату, чтобы выслал, но так как этого мало, то написал и Марье Дмитриевне, чтобы она из высланных мною ей денег прислала мне 100 руб. Но только 100 руб., и не больше. Она ведь очень, очень добрая и, пожалуй, захочет выслать все, что я ей из Парижа послал.

Теперь, милая тетенька, вот какая до Вас огромная просьба: контора транспортов, которая взялась Вам доставить в Петербург деньги из Парижа для Марии Дмитриевны, уведомила меня, что скоро не может доставить, а доставит разве только через 8 или через 9 дней. Итак, деньги могут быть еще у Вас, потому что Вы могли еще не успеть отослать их Марье Дмитриевне. Если же это так, то прошу Вас *убедительнейше*, немедленно, с получением сего, взять из тех денег 100 руб. и передать их брату Мих[аилу] Мих[айловичу] для отправки ко мне в Турин. Он их отправит через банкира. Все это чтобы выиграть время. Марье же Дмитриевне я пишу об этом самом, с этой же почтой, письмо и уведомляю ее, что, по моей просьбе, Вы, не спрашивая ее, может быть, возьмете 100 руб. из ее денег и мне вышлете. Если же Вы послали уже ей все деньги, то я ей пишу, чтобы она выслала на Ваше имя, а Вы с получением доставьте брату, а уж он мне вышлет.

Вот и вся моя просьба к Вам, просьба покорнейшая.

дразнило. Вдруг пошел терять, и уж не мог удержаться и проиграл всё дотла. После того как тебе послал из Бадена письмо, взял *последние деньги* и пошел играть; с 4-х наполеонов выиграл 35 наполеонов в полчаса. Необыкновенное счастье увлекло меня, рискнул эти 35 и все 35 проиграл. За уплатой хозяйке у нас осталось 6 наполеондоров на дорогу. В Женеве часы заложил.

В Бадене видел Тургенева. И я был у него два раза, и он был у меня. Тургенев А[поллиарию] П[рокофьевну] не видал. Я скрыл. Он хандрит, хотя уже выздоровел с помощью Бадена. Живет с своей дочерью. Рассказывал мне все свои нравственные муки и сомнения. Сомнения философские, перешедшие в живье. Отчасти фат. Я не скрыл от него, что играю. Давал мне читать "Призраки", а я за игрой не прочел, так и возвратил не прочтя. Говорит, что написал для нашего журнала и что если я напишу ему из Рима, то он вышлет мне "Призраки" в Рим. А что я знаю о журнале?

Надо написать статью. Знаю это. Ибо на 1450 франков, тобой присланных, ничего не сделаешь, то есть много сделаешь, но домой не доедешь. Но писать мне ужасно трудно. Что написал в Турине, все разорвал. Надоело писать на заказ. Но, однако ж, не отчиваюсь послать хоть из Рима. Потому что надо.

Дай Бог небесного царствия дяде. Думаю, тетке много хлопот и пакостей предстоит вынести. Насчет наследства нам не надеюсь. Однако ж, уведомь тотчас, ежели что будет.

Ради Бога, уведомляй обо всем, обо всем. Обнимаю тебя, благодарю и целую.

Твой Ф. Достоевский.

Naples. Italie. Poste restante. А т-г такой-то.

Пиши немедленно, пожалуйста, о своем положении пиши. В Риме найду все ваши прежние письма от всех. Я, может быть, из Рима статейку пришлю.

Вороочусь в срок. Да и денег мало.

Детей всех и Федю расцелуй. Страхову кланяйся особенно и всем, кому знаешь. Скажи Страхову, что я с приложением славянофилов читаю и кое-что вычитал *новое*. Что Ап[оллон] Григорьев? Что все? Обо всех напиши.

Не слышал ли чего о Родевиче и о Паше?

Пишу как можно короче. Спешу ужасно из гадкого Турине. А писать еще много: Марье Дмитриевне и Варваре Дмитриевне.

Поблагодари Варвару Дмитриевну, как увидишь.

Экая славная душа у ней. Боюсь вот чего, боюсь, что Марья Дмитриевна что-нибудь напишет тебе неприятное. Но не думаю. Конечно, до половины октября ей, может, не нужно будет денег. Но почем знать? Я, может быть, поставил ее в фальшивое положение. У ней была трата во 100 руб., которую она не решалась сделать, а после моего письма о том, что ей посыпаю деньги, — сделала эту трату. И вот теперь, может, без денег. Трепещу от этого. Хоть бы кто-нибудь меня о ее здоровье уведомил.

Ф.М. Достоевский — М.М. Достоевскому // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т.28. Кн.2. С. 44-46.

Турин 8(20) сентября/63

Многоуважаемый и милейший друг мой, Варвара Дмитриевна, я получил сегодня от брата письмо и благодарю Вас сердечно за всю поспешность и готовность, которые Вы в моем деле выказали. Дай Вам Бог здоровья. Деньги так были нужны, что ужас. Слава Богу, вышел из беды. Боюсь, однако, что Вам доставил много хлопот и вот чего (главное) боюсь: не будет ли в претензии на Вас Марья Дмитриевна за Ваше *самовольное* распоряжение ее деньгами? А я ей, как нарочно, из Туринска еще написал и просил отнюдь более 100 р. от себя мне не посыпать, потому (писал я ей), что мне приятнее знать, что она хоть на некоторое время обеспечена. Видите: хоть я ей и выдал до октября денег достаточно, но я Вам рассказывал, возвращаясь из Владимира, что она лечится и что в случае излечения ей надо дать доктору по крайней мере 100 р. Она говорила мне, что 100 р. для нее страшно много и что она не может. И вот теперь, получив мое письмо, где я уведомляю ее, что посыпаю ей деньги, она, может быть, по щедрости своей (а она щедрая и благородная) и решилась дать эти 100 р., надеясь на мои деньги. Да кто знает, может, еще что-нибудь и купила себе. Так что теперь почти трепещу, что ей недостанет до октября. А это мне вдвое хуже, чем если бы мне недостало.

Вы знаете сами, что брата она смерть не любит. Рассердится, пожалуй, оттого, что деньгами ее воспользовались, потому что у брата не было мне выслать. Наизусть знаю, что она обвинит брата. А след[овательно], пожалуй, и Вам что-нибудь напишет. Добрый, милый друг мой, не рассердитесь, не отвечайте ей жестко, если она Вам что жесткое напишет. Напишите ей так: что во всяком случае я бы был без денег и погиб бы. А след[овательно], надо

было помочь. Время очевидно не терпело. Писать ей было некогда. Вот и распорядились ее деньгами.

Но главное: что если ей недостанет до моего возвращения? Боюсь, потому что она дорога мне. Тетенька, милая, если у Вас будут лишние деньги до моего приезда, то нельзя ли послать ей рублей 75 в виде того, что брат начал уплачивать, но не говоря, что от Вас. Спасли бы Вы меня. Разумеется, если Вас это *ни капли* не стеснит, то есть если деньги у Вас просто лежат, как это часто у Вас бывало. Если же нет, то, разумеется, и думать нечего.

Письма моего никому не показывайте. Особенно Паше. Ради Бога.

Надеюсь, голубчик тетенька, получить от Вас письмечко в Риме (то есть прежнее, если Вы только писали мне в Париж). Я ведь, не дождавшись писем, из Парижа уехал).

Ради Бога, напишите мне по получении этого письма. Пишите о себе что-нибудь, чтоб я знал. Пишите хоть что-нибудь о Марье Дмитриевне и о настоящей истории с деньгами. Да напишите тоже о Паше. Но уже пишите не в Рим, а в Неаполь. Адрес мой:

Italie. Naples, poste restante. A m-r Theodore Dostoiewsky.

В Риме пробуду дней 10. Даже в Турине еще очень жарко. Проклятый Турин, как он мне надоел! Письма Ваши не франкируйте, просто посыпайте.

О себе не пишу Вам никаких подробностей. Спешу. Уезжаю немедленно. А надо еще Марье Дмитриевне написать. Время нет. Братники дела меня очень мучают. Что Коля? Брат пишет, что у нас дядя умер. (Вы знаете, я Вам рассказывал, больной и расслабленный.) Мне жаль тетку, а он уж несколько лет полужив был. Говорят, что, может быть, и нам по капельке оставил. Да вряд ли. Таких-то, как мы, у него много было.

Марье Дмитриевне сегодня же пишу. Постараюсь ей выставить все дело в настоящем свете.

Прощайте, милая, добрая Варвара Дмитриевна.

Благородная Вы душа.

Ваш весь Ф. Достоевский.

О здоровье Марии Дмитриевны ничего не знаю. Ну что, если и в Риме от нее писем не найду.

В хлопоты (а может, и в неприятности) я Вас ввел, голубчик Вы мой.

Обо всем секрет полнейший от *всех*. А что *все*?

Ф.М. Достоевский — В.Д. Констант // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т.28. Кн.2. С. 46-48.

найду в Турине денег. В Неаполь мне не пишите, а пишите теперь прямо в Турин, и умоляю Вас написать *во всяком случае*. Получив деньги, снесите их брату. Мне собственно надо 200 р., но никак не меньше, *сто же рублей* остальных брат отошлет Марье Дмитриевне. Итак, достать надо триста. Теперь все написал. Вверяю Вам себя и почти судьбу мою. Так это для меня важно. Может быть, я Вам потом расскажу. Но теперь умоляю Вас, затем обнимаю от всего сердца и остаюсь Ваш

Достоевский.

Странно: пишу из Рима и ни слова о Риме! Но что бы я мог написать Вам? Боже мой! Да разве это можно описывать в письмах? Приехал третьего дня ночью. Вчера утром осматривал Св[ятого] Петра. Впечатление сильное, Николай Николаевич, с холодом по спине. Сегодня осматривал *Forum* и все его развалины. Затем *Колизей!* Ну что ж я Вам скажу...

Поклонитесь от меня всем: Григорьеву и всем. Брату Вашему особенно. Да еще прошу Вас очень: непременно передайте мой привет и поклон от всей души Юлии Петровне. Сделайте это при первом же свидании.

Не поможет ли Вам в чем-нибудь Тиблен, разумеется, в самом крайнем случае. Ему и Евгении Карловне мой поклон. Передайте ей при первом свидании.

Славянофилы, разумеется, сказали *новое слово*, даже такое, которое, может быть, и избранными-то не совсем еще разжевано. Но какая-то удивительная *аристократическая сътость* при решении общественных вопросов.

Ф.М. Достоевский — Н.Н. Страхов//Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т.28. Кн.2. С. 49-53.

6 октября. Неаполь

В Риме раз на улице встретила процессию: вели двух воров, молодых людей (20 и 16); на это зрелище сбежалась смотреть огромная толпа, дамы в экипажах останавливались и приподнимались.

В Неаполе, как только вышли в первый день на улицу, какая-то женщина сунула мне в руку желтый цветок и стала требовать денег; я встретила несколько таких женщин в первый день, но теперь их более нет. Дети тоже пристают с просьбой [?] и, когда одному даешь, — собирается около целая куча. Если не даешь, они выпрашивают всеми средствами: смешат вас, делают вам гримасы, кувыркаются перед

Через три месяца после выхода рассказа в свет (июньский номер "Эпохи" появился только в августе) Аполлинария записывает в "Дневнике" убийственные слова об утрате веры в любимого человека: "Когда я вспоминаю, что была я два года назад, я начинаю ненавидеть Достоевского. Он первый убил во мне веру".

Между тем в жизни Достоевского происходили драматические события: умерла долго и тяжело болевшая жена, скоропостижно скончался брат Михаил, редактор "Эпохи".

Мария Дмитриевна Достоевская скончалась 15 апреля 1864 года. 17 апреля были ее похороны. И этим же числом датируется письмо Достоевского из Москвы, адресованное в Париж Сусловой.

В начале июля он вновь пишет Аполлиниарии и, получив от нее незамедлительный ответ — тот самый, грубый и резкий, все-таки заказывает заграничный паспорт, берет у Литературного фонда в долг 1600 рублей серебром для заграничной поездки.

А 10 июля, проболев три недели (из-за чего Достоевский отложил свою поездку за границу), умирает брат Михаил, и 11 июля датируется несохранившееся письмо Ф.М. Достоевского А.П. Сусловой.

Что он мог писать ей в день похорон жены? Что уже свободен? Что хочет ее видеть? Что готов выехать немедленно? Так или иначе, но письмо к ней было единственной его корреспонденцией в тот день.

Она же, получая письма в столь тяжелое для своего бывшего возлюбленного время, ничем не могла ему ответить. Ничем — кроме холодной искренности и правдивости. Любви больше не было.

Трудно сказать, как бы вообще пережила Аполлинария этот год, когда мелькали и тут же исчезали новые лица и впечатления, когда Париж стал ненавистен до отвращения, а сама она то и дело подумывала о самоубийстве, если бы не знакомство и быстро возникшая дружба с графиней Салиас, которая была старше Аполлиниарии на 24 года.

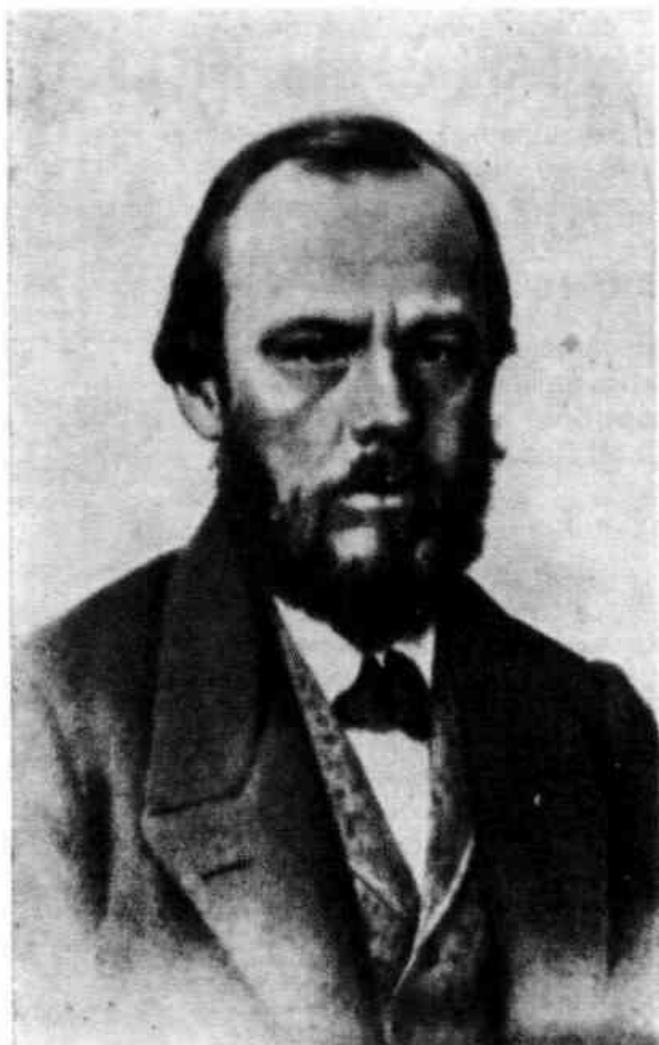
Личность Е.В. Салиас на долгие годы стала для Аполлиниарии образцом человека и точкой опоры. Всё не надеясь вызвать к себе жалость или сострадание, она почти в каждом письме исповедовалась графине Салиас. Она видела в ней родственную душу — женщину, которая много страдала. В самом начале их знакомства Аполлинария писала ей: "...хоть я и увлекалась и много сделала ошибок, но всегда поступала честно и если страдала, то только потому, что не хотела и не могла лицемерить; жить хотела сознательно, а не идти избитой дорогой и ждать, что пошлет судьба. Я была уверена, что Вы поймете все, потому что сами жили и должны знать, как это дорого достается".

В конце лета 1864 года Аполлинария лечилась на курорте Спа в Бельгии. Она знала, что Достоевский не приедет. Сама же в Россию не торопилась.

...Охваченный состраданием к несчастной*, отец забыл свою ненависть, немедленно отправился в

Тверь и уговорил умирающую ехать с ним в Москву, где она сможет лечиться у хороших врачей. Агония Ма-

рии Дмитриевны длилась всю зиму. Мой отец не отходил от нее и обеспечил тщательный уход за ней. Он редко выходил из дома, так как всецело

Федор Михайлович Достоевский.
С фотографии 1860-х годов

Достоевскому приходится думать о возвращении в Россию, Сусловой — в Париж. Они расстаются, и имя Достоевского все реже появляется на страницах ее дневника. На Достоевского по возвращении съпяится удар за ударом. 15 апреля 1864 г. умирает жена. Несмотря на тяжесть обстановки, именно в этот период в Достоевском зарождается надежда на новую жизнь. В известном письме бар. А.Е. Врангелю от 31 марта —

был поглощен своим романом "Раскольников", над которым тогда работал. Когда, наконец, весной Мария Дмитриевна умерла, Достоевский написал несколько писем своим друзьям, в которых сообщал о ее смерти и отзывался об умершей с уважением. Он признавался, что не был с ней счастлив, но утверждал, что жена любила его, несмотря на размолвки. Честь имени всегда была священна для Достоевского и вынуждала его скрывать от друзей неверность Марии Дмитриевны. Только родные знали печальную историю. Отец должен был скрывать истину и ради пасынка Павла, которого он воспитывал в духе уважения к его умершим родителям. Я помню, как однажды за обеденным столом Павел Исаев презрительно заговорил о своем отце, утверждая, что тот был "тряпкой" в руках жены. Мой отец рассердился, высказался в защиту памяти капитана Исаева и запретил пасынку говорить когда-либо в подобном тоне о своих родителях.

* Во время связи с Полиной Достоевский не переставал заботиться о больной жене. Путешествуя с Полиной по Италии, он часто пишет брату Михаилу, прося выслать Марии Дмитриевне деньги, причитающиеся ей за статьи во "Времени".

Л.Ф. Достоевская. Достоевский в изображении своей дочери. С. 90.

14 апр. 1865 г., в котором он рассказывает о трагических обстоятельствах этого времени, неожиданно в конце появляется фраза: "А между тем все мне кажется, что я только что собираюсь жить. Смешно, не правда ли? Кошачья живучесть". Прошел год со смерти жены, это могло дать Достоевскому надежду, что Суслова не окажется стать его женой. Однако этой надежде не суждено было осуществиться. Он, действительно, встре-

ную сцену и скоро отправилась домой. Она мне сказала, что, если буду иметь в чем затруднение, к ней обращаться.

— Какие ж могут быть затруднения в цивилизованном государстве, — сказала я, насмешливо и грустно улыбаясь.

— Однако ж у вас было с вашей хозяйкой, — сказала она.

Потом она сказала, что придет ко мне на другой день, несколько раз это повторила. Она пришла в назначенный час. Я увидела из окна, как она входила в калитку, и вышла встретить ее на двор. Я встретила ее со всей любезностью, но без всякого благовения. Мы говорили с час, потом я пошла ее провожать, и мы еще долго говорили. Она напомнила мне об обещании моем дать ей мои произведения, и, так как у меня их не было, она взяла с меня слово прийти к ней через неделю и прочесть свою повесть.

Лутинин во время прогулки на кладбище обещал мне составить список исторических книг, полезных для меня. Он хочет, должно быть, меня развить и пренанавив толковал мне об идеализме и материализме, когда я сказала, что не могу хорошо определить этих двух понятий.

Мар[кович] спросила, как меня зовут. Я сказала.

— А мне сказали — Надежда Суслова, — сказала она. — У меня сестра Надежда...

А.П. Суслова. Годы близости с Достоевским. С. 70-86

Москва, 9 [21] апреля 1864 г.

...На днях вышлю повесть Аполлинарии. Предув-
домляю заранее для того, чтоб ты, получив пакет с мою
надписью, не подумал, что моя повесть. Повесть же не
хуже ее прежних и может идти.

Ф.М. Достоевский — М.М. Достоевскому // Ф.М. Достоевский. Полное собра-
ние сочинений в тридцати томах. Т.28. Кн.2. С. 83.

Москва, 13 [25] апреля 1864 г.

...Повесть Аполлинарии посыпаю отдельно. Обрати
внимание. Печатать очень можно.

Ф.М. Достоевский — М.М. Достоевскому // Ф.М. Достоевский. Полное собра-
ние сочинений в тридцати томах. Т.28. Кн.2. С. 88.

Москва, 15[27] апреля 1864 г.

Милый брат Миша,

Сейчас, в 7 часов вечера, скончалась Марья Дмитри-
евна и всем вам приказала долго и счастливо жить (ее сло-

ва). Помяните ее добрым словом. Она столько выстрадала теперь, что я не знаю, кто бы мог не примириться с ней...

Ф.М. Достоевский — М.М. Достоевскому // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т.28. Кн.2. С. 92.

Графиня!

Только что получила Ваше письмо: не буду говорить, сколько оно доставило мне удовольствия. Я боюсь только, что Вы увлекаетесь, предполагаете во мне более хорошего, чем оно есть: боюсь, что, узнав мои дурные и слабые стороны, Вы меня возненавидите. Мне было бы очень тяжело потерять Ваше расположение. Вы так мало меня знаете, что мне страшно принять Ваше предложение провести у Вас несколько недель, оно налагает на меня слишком большую обязанность в отношении к Вам. Как ни полезно мне Ваше знакомство, но я лучше соглашусь отказаться от него, чем допустить Вас обмануться во мне или самой обмануться в Вас, то есть как-нибудь неправильно понять и истолковать себе Ваше внимание.

Я ожидаю от Вас чего-то гораздо более, чем можно ожидать от знакомства с умной и образованной особой, Вы дали мне это право.

Хочу быть перед Вами откровенна, как перед моей совестью, предполагая, что это не будет Вам скучно. Буду всегда с Вами искренна, не сделаю для Вас ничего против своего желания из одного угощения, хотя очень желаю сделать Вам приятное. Я могу находить удовольствие в сношениях с людьми, но к Вам одной могу так относиться, потому что Вы меня приняли как мать.

Вы меня спрашиваете, что я делаю. Я тоже была в Брюсселе, у моих друзей, одну неделю. Висковатовы (муж и жена очень молодые) убедили меня к ним приехать, и я довольна этой поездкой. Мы много говорили, советовались насчет [?], по вечерам, иногда, вслух читали. Там я встретила Утина, бежавшего от ареста (не знаю, имеете ли Вы о нем понятие). Он Вас очень уважает и просил меня передать Вам глубокий поклон, хоть и не знает Вас лично. Утин прочел нам повесть Вашего сына "Тьма", которая нас всех восхитила. Насколько я могу судить, мне кажется, что "Тьма" — явление замечательное в нашей литературе.

Ради Бога, извините меня, Графиня, за это письмо, я чувствую, что пишу совсем не так, как нужно, потому что

Москва, 17(29)
апреля 1864 г.

Ф.М. Достоевский — А.П. Сусловой
(несохранившееся письмо).

торый переживают почти все мужчины. "Кто не безумствовал в двадцать лет, тот совершают безумства в сорок" — гласит мудрая пословица и доказывает, таким образом, что подобные своеобразные возрастные сдвиги не так редки, как думают. В этом событии в жизни Достоевского сказалось возмущение благородного человека, желание супруга, оставшегося верным жене, тогда как она издавалась над ним со своим любовником. Мой отец хотел доказать себе, что и он может обманывать свою жену, вести легкую жизнь других мужчин, играть в любовь и развлекаться с красивыми девушками. Есть некоторые данные, которые позволяют это предположить. Очень странно, например, что Достоевский в романе "Игрок" изображает себя в образе домашнего учителя. Как я упоминала ранее, Мария Дмитриевна обманывала отца с домашним учителем. Отвергнутый молодой девушкой, которую он любит, этот учитель идет прямо к распутной женщине, которую презирает, и едет с ней в Париж, чтобы ото-

мстить той девушке, которую продолжает любить. Но, помимо мести обманутого мужа, есть в этом романе Достоевского и истинная страсть. Герой в "Игроке" говорит о Полине следующее: "Бывают минуты, когда я отдал бы полноту, чтобы задушить ее. Клянусь, если бы возможно было медленно погрузить в ее грудь острый нож, то я, мне кажется, схватился бы за него с наслаждением. А между тем, клянусь всем, что есть святого, если бы, на Шлангенберге, на модном пляже, она действительно сказала мне: "бросьтесь вниз", то я бы тотчас же бросился и даже с наслаждением"...

Этот эпизод в его жизни делает понятным характер своенравных и авантюристических героинь его романов. Аглая в "Идиоте", Лиза в "Бесах", Грушенька в "Карамазовых" и многие другие являются более или менее портретами Полины Н. Этот эпизод в жизни моего отца, как мне кажется, объясняет странную, преисполненную ненависти любовь Рогожина к Настасье Филипповне.

Л.Ф. Достоевская. Достоевский в изображении своей дочери. С. 89-90.

Как в "Игроке" у французыка Де-Грие за этой великолепной законченной европейской формой скрывалась пустота сердца, мелкий, ничтожный характер, так и Сальвадор очень скоро оказался человеком маленьким, трусивым, в тревоге своей способным на ложь и обман. "Ему нужна была любовница; подвернулась женщина хорошенка, удовлетворяющая всем вкусам; он и воспользовался", — так определяет позднее Достоевский отношение Сальвадора к Сусловой, и она вполне соглашается с этим. И как власть Де-Грие над Полиной Александровной, власть и этого европейца с законченной формой над Сус-

ловой была беспредельна: гордая, независимая, ценившая свободу своего "я" превыше всего — перед ним однажды она позволяла себе стоять в собственной позе умоляющей, когда он стал охладевать к ней, а она не хотела этому верить и убеждала себя, что он еще любит ее. Слишком короткой оказалась эта новая яркая полоса ее жизни, оставившая такой глубокий след в ее душе на долгие годы: в течение этих нескольких месяцев — весны и лета — эта полоса была пройдена до конца; буквально за миг счастья Суслова заплатила муками: разочарования, горькой, неотомщенной обиды, стыда и раскаяния.

А.С. Долинин. Достоевский и Суслова. С. 181-182.

Нельзя не видеть, при внимательном отношении к "Игроку" Достоевского, что необычайная личная взволнованность пронизывает повествование всюду, где на сцену появляется Полина. По словам А.Григорьевны Достоевской, Федор Михайлович говорил ей во время работы над "Игроком", что "много из его чувств и впечатлений испытал сам на себе". Относилось ли это признание только к его страсти к игре или сюда входила и страсть к женщине? Образ Полины исключительно ли продукт творческого воображения или отражение и личного опыта? Этот вопрос приобретает тем большее значение, что черты Полины и позже повторяются в женских образах Достоевского (Аглая, Грушенька).

В изображении этих образов легко подметить столь напряженное, почти выстраданное чувство, что невольно зарождается убеждение: у Достоевского в жизни должны были быть встречи и сближения, о которых мы или ничего не знали, или то, что знали, — только внешние факты, не освещенные всей глубиной пережито-

го. И если образ Полины ("следок ноги у нее узенький и длинный-мучительный") первый в ряду "мучительных" женщин Достоевского, то не следует ли внимательнее заглянуть в тот период жизни его, когда слагался замысел "Игрока", и поискать в нем объяснения тому изумительному проникновению Достоевского в женскую душу, которым отличается он в своем творчестве.

Годы 1863-1866, период замысла и написания "Игрока", были наиболее мрачными, после катарги, годами жизни Достоевского. Это годы запрещения "Времени" (май 1863), смертельной болезни и смерти жены (15 апр. 1864), неудачи с новым журналом "Эпоха", внезапной смерти горячо любимого брата, Михаила М-ча (10 июля 1864), за нею смерти Апол. Григорьева (сент. 1864) и, наконец, крушения "Эпохи", поставившего Достоевского в безвыходное материальное положение..

Этот сложный период жизни Достоевского, "вся жизнь переломилась надвое" — так он характеризовал сам его, однако, чрезвычайно слав-

Рулетка в Гомбурге. Гравюра. 1860-е годы

Полиной Н. завершился период эротической страсти в жизни Достоевского, длившийся в общей сложности только около десяти лет, с 33 до 43-летнего возраста. Африканская

любовь Марии Дмитриевны и в некотором роде восточная страсть Полины Н. не оставили у моего отца приятных воспоминаний.

Л.Ф. Достоевская. Достоевский в изображении своей дочери. С. 92.

Что с возу упало, то пропало.

Io non so ben ridir com'io v'entrai,
tant'era pieno di sonno a quel punto
che la verace via abbandonai.

Чувство овладевает всем человеком,
оно ревниво делится частью даже жизни.

(Из частного письма)

Три эпиграфа к повести "Чужие и свои", помещенные на внутренней стороне обложки и титульном листе черновой тетради//РГАЛИ. Ф.1627. Оп.1. Ед.хр.2.

ЧУЖИЕ И СВОИ

Быстро летел поезд железной дороги между Москвой и Петербургом, то и дело менялись станции, менялись пассажиры, а Лосницкому все казалось, что едут очень медленно. Устал он от дороги, да и мудрено ли после пяти недель беспрерывного путешествия, то в почтовом дилижансе, то на пароходе и, наконец, по железной дороге. Лосницкий нигде не хотел остановиться на пути. Он скакал, как будто спасаясь от погони, от злой тоски, которая преследовала и гнала его по этой дороге. Думал он на неделю остановиться в Москве, но страшно стеснилось его сердце при виде родного города, тех улиц и домов, между которыми он когда-то ходил свободным и страстным юношей, полным смелых замыслов и ожиданий. Он проехал прямо в гостиницу и не выходил из нее до тех пор, пока не настал час, в который должен был отправиться первый поезд в Петербург. Угрюмо и как-то робко выглядывал он из окна кареты при переезде с одного конца города на другой, между тем как сердце тоскливо ныло и чувства сомнения и ропота теснили душу.

Теперь до Петербурга оставалось несколько станций. Лосницкий отвернулся от своих спутников, рассуждающих об удобствах железной дороги, и смотрел в окно. Мысли быстро менялись в его голове и постоянно возвращались к одной: "Как-то она меня встретит? Любит ли еще? Ну, как разлюбила? Семь месяцев не виделись. Много, может быть, перемен в ней в семь месяцев, с ее воображением, при новых встречах, новых впечатлениях. Можно ли рассчитывать на постоянство любви 22-летней женщины, страстной и энергической, как она. Что если она полюбила другого? Что тогда? Ведь она с ним уйдет куданибудь; уйдет, она свободная. Но кто же он? Чем он возьмет ее сердце? Она не легко его отдает. Он должен быть очень умен, смел, молод... А как она умеет любить! И уж не колеблется, когда полюбит..."

Но вот последняя станция, конец скоро, вот и Пет[ербург]. Сердце его стучит медленно и крепко. "Еще несколько часов, и я ее обниму. Теперь, в эту

... было заранее приготовлено... — Письмо А.П. Сусловой не сохранилось. Содержание письма передано в "Дневнике" в записи от 19 августа.

С. 100. "Vite, vite" — "Быстро, быстро" (фр.).

С. 102. *Милый Коля...* — Ф.М. Достоевский адресует письмо своему младшему брату, Николаю Михайловичу.

Здесь одна особы даже заплакала... — Речь идет об А.П. Сусловой, которой Ф.М. Достоевский рассказывал о болезни брата.

У Труссо я еще не был. — Труссо — парижский доктор, специалист по эпилепсии.

С. 103. ... *думаю часто и о Марье Дмитриевне.* — То есть о жене, Марии Дмитриевне Достоевской (Исаевой) (1828-1864).

Был ли у тебя Паша... — Павел Александрович Исаев (1848-1900) — пасынок Ф.М. Достоевского, сын М.Д. Достоевской от первого брака.

С. 104. *Из Берлина я написал брату, Коле и мамаше.* — Речь идет о письмах брату Михаилу Михайловичу, брату Николаю Михайловичу и жене, Марии Дмитриевне. Письма не сохранились.

С. 106. *Потом я стала думать...* — Намек на решение отомстить неверному возлюбленному, Сальвадору, и покончить жизнь самоубийством.

... *сожгла некоторые свои тетради и письма...* — Здесь единственное упоминание о тетрадях, которые имелись у А.П. Сусловой до "Дневника". Вполне вероятно, что сожженные тетради также были дневникового характера и содержали записи о знакомстве А.П. Сусловой с Ф.М. Достоевским и начальном периоде их связи. Среди писем, сожженных А.П. Сусловой 1 сентября 1863 года, могли быть письма Ф.М. Достоевского и Сальвадора ("Те письма, которые могли компрометировать меня").

С. 108. ... *в эти четыре дня присмотрелся к игрокам...* — Наблюдения Ф.М. Достоевского, изложенные в письме, отразились впоследствии в романе "Игрок".

С. 112. *Перед отъездом из Парижа...* — А.П. Суслова и Ф.М. Достоевский выехали из Парижа 23 августа (4 сентября) 1863 года.

... *исполнить то, что было задумано...* — То есть отомстить Сальвадору и покончить с собой.

С. 113. *"И ничего на этом свете благословить он не хотел".* — Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина "Демон" (1823): "И ничего во всей природе // Благословить он не хотел".

С. 115. *Ф[едор] М[ихайлович] проигрался...* — В письме к В.Д. Констант от 8 сентября 1863 года Ф.М. Достоевский просит переслать ему обратно часть денег, выигранных им по пути в Париж и высланных в Петербург для передачи Марье Дмитриевне, находившейся тогда во Владимире.

С. 116. *table d'hôte* — общий стол (фр.).

С. 117. ... *и вдруг какой-нибудь Наполеон...* — В романе Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание" Родион Раскольников утверждает: "Все... законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступниками, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом... и уж, конечно, не останавливались и перед кровью".

... *но каждую минуту мы дрожали...* — То есть Ф.М. Достоевский и А.П. Суслова.

... *она кольцо заложила.* — Она — А.П. Суслова.

С. 118. ... *с положением той особы...* — А.П. Сусловой.